

УДК 94(47+57)“1910–1914”
DOI: 10.17223/19988613/57/2

Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук

МИФ О Л.А. КАССО

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00222-ОГН «Кризис высшей школы 1911 г.».

Рассматривается история формирования мифа о Льве Аристовиче Кассо, занимавшем пост министра народного просвещения с сентября 1910 г. до своей смерти в декабре 1914 г. В историографии прочно укрепилось мнение о нем как о ключевой фигуре, символе консервативной и репрессивной политики самодержавия в области высшей школы. Одновременно обращение к широкому кругу источников показывает, что этот образ окончательно сформировался только к концу 1911 г. До этого многим, в том числе и впоследствии поддержавшим его правым, он представлялся слабым, непрофессиональным назначенцем всесильного П.А. Столыпина, неспособным на самостоятельные решения.

Ключевые слова: Л.А. Кассо; история высшей школы; история университетов; дело Кассо; П.А. Столыпин; университетский вопрос.

«Кризис Кассо», «разгром», кризис высшей школы 1911 г. – одно из центральных событий эпохи думской монархии. В историографическом дискурсе эти события рассматривались в контексте начала нового революционного подъема, начала «преодоления» столыпинской реакции [1]. Фигура Кассо вписывается сразу в два известных смысловых ряда. Первый – русские чиновники-реакционеры – К.П. Победоносцев, Д.А. Толстой, И.Д. Делянов, П.А. Столыпин, второй – темные фигуры из «Нечистой силы» – Анна Вырубова, Александра Федоровна, Григорий Распутин. В этом смысле образ Кассо интересен в связи не только с историей российской высшей школы, но и с проблемой краха старого порядка. В настоящем тексте для нас важными были следующие вопросы: Как и кем формировались общественные представления о министре? Как эти представления менялись? Кто являлся бенефициаром той информационной кампании, которая велась вокруг фигуры Кассо? Какую роль сам герой играл в создании своего образа?

Назначение Л.А. Кассо 25 сентября 1910 г. управляющим Министерством народного просвещения (МНП) для всех стало неожиданностью. Отставка его предшественника А.Н. Шварца многими ожидалась и стала следствием как его просьб, так и инициативы П.А. Столыпина [2. С. 45–49], но кто примет такое тяжелое наследство, было неясно. О том, чей креатурой являлся бывший профессор юридических факультетов сначала Юрьевского, потом Харьковского и Московского университетов, а на момент назначения директор Императорского Лицея в память цесаревича Николая (Катковского лицея), существует несколько версий. Согласно одной из них Л.А. Кассо был рекомендован двоюродным братом П.А. Столыпина октябристом бароном А.Ф. Мейендорфом [3. С. 113]. Среди ученых ходили слухи, что «это кандидат вел[икой] княг[ини] Елизаветы Федоровны и думского “националиста” Крупенского» [4. С. 106; 5. Л. 100]. В любом случае назначение воспринималось различными политическими силами как результат стремления П.А. Столыпина целиком контролировать правительство, хотя изначально его

настораживали в Л.А. Кассо «нерусский его вид, воспитание» и «внутренний мир» [6]. Кандидатуру Л.А. Кассо П.А. Столыпин рассматривал и в конце 1907 г., но тогда остановил выбор на А.Н. Шварце [7].

Несмотря на то, что Л.А. Кассо был членом профессорской корпорации, широким кругам из-за своей неактивной политической позиции он известен не был. 26 сентября 1910 г. П.А. Столыпин писал Николаю II: «В городе много говорят о Кассо – это для всех большой знак вопроса» [8. С. 62]. Сам Николай II, которому Л.А. Кассо не был предварительно представлен, писал П.А. Столыпину о новом министре как о «неизвестном» [Там же. С. 63]. Некоторые консерваторы, в частности В.Ф. Джунковский и В.Н. Смольянинов-Заболотский, отмечали его ум и эрудированность [3. С. 113]. Либеральную профессуру настораживали слухи о симпатиях нового министра правым. А.И. Боргман со слов отца сообщал И.И. Толстому, что «1) назначение Кассо несомненно, 2) Кассо – истинно русский националист по убеждениям (чуть ли не друг Пуришкевича) и 3) говорит плохо по-русски» [4. С. 106], из чего последний заключил, что это «сомнительное, по-видимому, приобретение для многострадального ведомства» [Там же]. Здесь же присутствует акцент на нерусском происхождении Л.А. Кассо, впоследствии ставший непременным в либеральном дискурсе – новый министр не станет защищать интересы русской науки [Там же].

Изначально фигура Л.А. Кассо вызвала резко негативную реакцию со стороны правых. Либеральный «Вестник Европы» отмечал, что в правой прессе начался настоящий поход против Л.А. Кассо за то, что тот посетил могилу С.А. Муромцева [9. С. 446]. Кроме того, он демонстративно не принял по назначении В.М. Пуришкевича и забрал разработанный А.Н. Шварцем проект университетского устава, за что стал объектом надежд октябристов и кадетов. Последние говорили о нем, как о человеке, «в котором предполагают сторонника университетской автономии» [10]. Отметим, что ни правые, ни левые не упоминали о революционном прошлом дяди Л.А. Кассо, Николая Кассо (1839–1904), румынского националиста, активно бо-

ровшегося за освобождение Бессарабии от власти России [11. С. 267–280].

23 октября Л.А. Кассо выступил со своей первой речью в Государственной думе по поводу министерского и думского законопроектов о начальной школе [12]. Камнем преткновения являлся вопрос о подчиненности школ: левые полагали, что заведование школами должно принадлежать одному учреждению, а правые поддержали нового министра, в своей краткой речи указавшего на то, что «теперь наступает период обособленности церковных и светских школ» [Там же. Стлб. 320]. Политическим силам стала понятна консервативность нового министра, но одновременно отмечались его плохое знакомство с деятельностью министерства и слабость как администратора и политика [3. С. 113; 4. С. 116–117].

Следующая волна критики со стороны правых в адрес Л.А. Кассо последовала в связи с университетскими беспорядками, начавшимися после смерти Л.Н. Толстого и протестного самоубийства нескольких студентов в тюрьмах. Правые в лице земляка нового министра В.М. Пуришкевича с думской трибуны критиковали Л.А. Кассо за беспомощность, за задержку выпуска циркуляра по борьбе с беспорядками.

В конце года активизировалось движение правых профессоров, выступавших за изгнание политики из университетов. В декабре 1910 г. состоялся их съезд, на котором присутствовали делегаты из провинциальных вузов, традиционно отличавшихся консервативностью. Представителей Московского и Петербургского университетов (кроме нескольких оставивших преподавание, еще три профессора Московского университета «прислали совещанию в письменной форме свои замечания по некоторым вопросам университетского устава» [13. С. 21]) не было, что вызвало критику последних. Организатор съезда профессор Новороссийского университета П.Е. Казанский описывал его как «скромное частное совещание правых профессоров русских университетов», но оно получило широкий резонанс в научном мире [Там же. С. 3]. Именно взгляд на высшую школу как место исключительно научной деятельности, девиз «университет для науки», где не должно быть студенческих волнений, выраженный делегатами и доложенный ими П.А. Столыпину и Л.А. Кассо, впоследствии стал краеугольным камнем в политике МНП. При этом один из организаторов съезда, чиновник особых поручений, профессор гражданского права В.И. Адамович, в январе 1911 г. был уволен Л.А. Кассо, мотивировавшим решение тем, что ему нужны бюрократы, а В.И. Адамович таковым не является. Это вызвало возмущение правых, полагавших, что если уж П.А. Столыпин не терпит вокруг себя самостоятельных людей, то должен добиться того, чтобы Л.А. Кассо не проводил политики, идущей вразрез с позицией правительства по оздоровлению высшей школы [14. С. 73].

Таким образом, в первый период своего министерства (1910 г.) Л.А. Кассо являлся «темной лошадкой», малоизвестным в широких кругах ставленником П.А. Столыпина, который будет действовать согласно пожеланиям своего патрона. С этим связаны как быст-

ро угасшие надежды кадетов и октябристов, так и острая критика со стороны правых, в глазах которых он был либеральнее и слабее А.Н. Шварца. Критика нового министра буквально всеми политическими силами уже к декабрю привела к распространению слухов о его отставке [4. С. 138]. Одновременно к этому же времени активизировалось движение профессорско-академистов, представителей провинциальных университетов, с которыми уже вскоре министерство достигнет полного взаимопонимания. В новом министре не видели крупной и опасной политической фигуры.

Университетский вопрос с самого начала нового, 1911 г., вновь оказался одним из самых обсуждаемых в связи со студенческими волнениями, особенно сильными в Москве и Петербурге. В январе вышли циркуляры МНП, запрещавшие студенческие собрания и возлагавшие ответственность за порядок на университетскую администрацию [15, 16]. Столичными профессорскими коллегиями (и обществом в целом) это решение было воспринято как покушение на университетскую автономию. Началась всероссийская забастовка студентов, а 28 января в знак протеста против правительственных мероприятий случилась демонстративная отставка профессоров и преподавателей Московского университета, которая, ко всеобщему удивлению, была принята Л.А. Кассо. Всего подали в отставку или были уволены около 130 преподавателей. Либеральной интеллигенцией подобные действия были восприняты как сильнейший удар по высшей школе и научной жизни [см. напр.: 17. С. 36–37; 18; 19. С. 230].

Впоследствии этот случай закрепился в историографии под термином «Дело Кассо». Действительно, столь решительные действия министра, не пожелавшего идти на поводу у строптивой профессуры, демонстрируют, что он был ключевой фигурой в этих событиях. Одновременно при рассмотрении откликов представителей различных политических сил на это событие обращает на себя внимание практически полное отсутствие обвинений персонально министра народного просвещения. Антигероем становился не он, а правительство в целом, его глава П.А. Столыпин или правые. В.И. Вернадский в работе «1911 г. в истории русской умственной культуры», отражая взгляды кадетов, указывал на изгнание профессоров как на цель политики П.А. Столыпина и возлагал вину в разгроме на него [19. С. 230]. Д.Д. Grimm в своих воспоминаниях, подчеркивая роль Л.А. Кассо, все же представляет его неким орудием в руках консервативных сил, которое было нужно для разгрома университетов: «Тогда было решено прибегнуть к более решительным мерам и отказаться от флера формальной законности, которым прикрывались при министрах ф[он] Кауфмане и Шварце. Эта задача выпала на долю недоброй памяти министра Л.А. Кассо и товарища его, барона М.А. Таубе. Наступила эра бессмысленного, преступного разрушения русских университетов» [20. С. 90].

В одном из самых известных откликов на события, статье кадета А.С. Изгоева «Небывалый разгром» как заслуга Л.А. Кассо понимался отзыв им устава А.Н. Шварца. Критикуя политику министра, автор все же основной удар стремится нанести по правым, за-

ступникам А.Н. Шварца, в связи с чем Л.А. Кассо представляется скорее жертвой нападков с их стороны. В атаках на профессоров автор также обвинял правых, а министра критиковал достаточно мягко: «Если бы министр народного просвещения относился действительно доброжелательно к высшей школе, он бы вместо резкого, вызывающего незаконного акта устроил совещание с университетским начальством по поводу столь острого в студенческой жизни вопроса» [21. С. 5, 14]. В сборнике «Кризис высшей школы» под псевдонимом также была опубликована статья «Состязание сил», где объектом критики становилось правительство, а не персонально Л.А. Кассо: «Университетские события явились неизбежным продолжением той агрессивной реакции, которая сделала такие успехи со времени роспуска первой и второй Думы... Не сломив забастовки, правительство надломило ту моральную энергию, с которой преподавательский состав вступил в борьбу с забастовкой» [22. С. 17, 19]. Подчеркивалось, что обстоятельства для развития студенческого движения были неблагоприятны, но действия правительства (не персонально Л.А. Кассо!) и правых привели к его распространению [Там же. С. 18]. Об отставке профессоров Московского университета автор говорил как о решении правительства, не персонализируя ответственность министра народного просвещения [Там же. С. 21–22].

Крайне правые концентрировались на фигуре Л.А. Кассо, но лишь подчеркивая его нерешительность и невыгодное положение в сравнении с предшественником А.Н. Шварцем: «Зачем же было в таком случае требовать увольнения энергичного А.Н. Шварца, при котором сразу прекратились все беспорядки, чтобы заменить его неспособным г. Кассо, при котором студенческие беспорядки точно по сигналу возросли до колоссальных размеров? Нельзя же отрицать истину? Беспорядки в высших учебных заведениях начались именно вследствие удаления от дел умного, твердого и опытного педагога? Если бы прежний порядок не нарушался, то А.Н. Шварц укреплялся бы на своем посту министра тем сильнее, чем прочнее водворялось бы в университетах спокойствие. При новом же режиме наоборот. Спокойствие в учебных заведениях и послужило указанием на непригодность министра» [23]. На заседаниях Думы правые также упрекали Л.А. Кассо в беспомощности, и многие из них оценивали его как «лишь механический манекен, приводимый в движение властной рукой П.А. Столыпина» [14. С. 101]. Отчасти они были правы: за жесткими действиями Л.А. Кассо действительно стоял всемогущий председатель Совета министров, стремившийся возложить всю полноту ответственности за беспорядки в стенах высшей школы на руководство университетов и профессорские коллегии [24. С. 486–487].

«Вестник Европы», критикуя правых, логично в некоторой степени снимал ответственность с Л.А. Кассо: «Со свойственным ему пониманием общественных явлений и событий г. Пуришкевич относит движение, вдруг так резко выразившееся среди студенческой молодежи, целиком на счет личности нового министра народного просвещения, г. Кассо. “В данный момент –

говорил в Думе бессарабский депутат – самое величайшее зло и самое величайшее из всех тех безобразий, которые творятся в высшей школе, – это не панургово стадо студенчества, это не профессора, которые почувствовали, что вожжи распушены, а управляющий министерством народного просвещения, не знающий, на каком стуле ему сидеть”» [25. С. 419]. Позицию правых издание объясняло желанием В.М. Пуришкевича «свалить министра, посетившего могилу С.А. Муромцева» [Там же. С. 420]. Действия Л.А. Кассо не связывались с ростом студенческого движения.

Подобный взгляд был характерен и для бунтующих студентов. Прокламация, распространявшаяся в конце января в Петербургском университете, гласила: «В тяжелых условиях начинаем мы новый год. “Объединенное правительство” г. Столыпина вступило в решительную борьбу с политикой, ворвавшейся в высшие учебные заведения. Провокаторский обстрел студенческой сходки в Одессе, произведенный при содействии и участии “людей науки” – академистов, аресты и исключения, высылка и ссылка ряда студентов, поход против свободы собраний и союзов, полицейские функции, возлагаемые на советы профессоров – таковы последние скорпионы джентльмена-палача» [14. С. 77].

Профессура провинциальных университетов, более лояльная к правительственным постановлениям, нежели их столичные коллеги, высказывалась в духе беспрекословного и последовательного соблюдения решения о временном запрещении студенческих собраний в стенах университетов и об исключении нарушивших это постановление. При этом в нем они видели решение правительства и режима в целом, нежели волю управляющего Министерством народного просвещения, воспринимаемого скорее в качестве посредника в отношениях с верховной властью. В частности, Совет университета Св. Владимира по случаю высочайшего приема 21 декабря 1910 г., на котором присутствовал профессор университета П.Н. Ардашев, через посредство управляющего МНП на заседании 1 марта сделал всеподданнейшее обращение, в котором соблюдение постановлений министерства трактовалось как выражение преданности монархии: «В высокознаменательных словах Вашего Величества Совет Императорского Университета Св. Владимира видит мощную поддержку и величайшее поощрение своей деятельности, направленной к научной работе и к упрочению порядка в переживающей трудное время нашей высшей школе. Совет выражает свою беззаветную готовность с удвоенным рвением продолжать свое служение науке и просвещению на радость возлюбленному Государю и на благо нашей великой родине» [26. С. 26].

3 февраля «Речь» опубликовала критический комментарий интервью Л.А. Кассо «Новому времени», в котором министр высказался против изменения университетского устава и обвинял администрации университетов в том, что они не остановили студенческие беспорядки: «Практический смысл решения г. Кассо заключается, очевидно, в том, что никакие законы и уставы вообще не нужны там, где можно “временно” вводить и вновь упразднять все, что понадобится, “в соответствии с жизненными требованиями и нуждами”» [27].

При этом и в марте К.К. Арсеньев, один из лидеров партии демократических реформ, анализируя состояние дел в высшей школе, возлагал вину за увольнение профессоров на правительство в целом, а не только на Л.А. Кассо: «Такого острого кризиса ни разу не переживал ни один из наших университетов. Остановимся сначала на первом фазисе его. Не подлежит никакому сомнению, что увольнение А.А. Мануилова, М.А. Мензбира и П.А. Минакова без прощения из числа профессоров Московского университета имело в глазах управляющего министерством народного просвещения, а вероятно – и всего объединенного министерства, характер кары за действие, рассматриваемое как нарушение требований службы» [28. С. 339].

Отчисления студентов, чья деятельность была направлена на срыв занятий (закрытие университета и провозглашение забастовки), по мнению Л.А. Кассо, были той мерой, которая позволила предотвратить более масштабные беспорядки [29. Стлб. 1850, 1852]. Если бы он тогда не уволил 1 000 студентов, то сейчас ему пришлось бы увольнять 5 000 [Там же. Стлб. 1869]. По сути, Л.А. Кассо заявлял о необходимости следования идеалу университета как царства науки, а не идеологии, одновременно выступая в поддержку самоуправления, а не автономии [30].

В начале марта П.А. Столыпин подал заявление об отставке, которая в итоге не состоялась. В период неопределенности недоброжелатели министра народного просвещения стали размышлять о составе будущего правительства. Показательно, что логичным следствием отставки П.А. Столыпина считался уход Л.А. Кассо, что явно свидетельствовало о его восприятии в качестве проводника идей председателя Совета министров [31]. Одновременно октябристы к этому времени поняли, что принципиальной в вопросе возвращения профессоров является позиция Л.А. Кассо, чье нежелание пойти на уступки вынудило их сменить тактику и начать активно распространять слухи о его увольнении помимо воли П.А. Столыпина [14. С. 113]. Апрельский «Вестник Европы» высказал схожее мнение: «Правительство не проявляет видимой заботы о создавшемся положении. Оно его как будто вовсе не угнетает. Кто ушел – не все ли равно! Одни ушли – другие придут. Принесут ли с собою эти другие научный багаж, заменят ли они ушедших в существе профессорского служения – правительство хочет показать, что стоит выше таких вопросов. Но общество живо и болезненно на них реагирует» [32. С. 429–430].

Таким образом, события, впоследствии ставшие связываться непосредственно с именем Л.А. Кассо, современниками воспринимались иначе. Фигура министра оказывалась лишена свободной воли и долгое время понималась либеральной общественностью частью репрессивного механизма правительства П.А. Столыпина. Одновременно он продолжал критиковаться правыми за нерешительность в борьбе с беспорядками и уступки бунтующей профессуре. При том, что озвученная позиция министра касательно ситуации в высшей школе в целом соответствовала взглядам консерваторов, в их глазах он выглядел незначительной и некомпетентной фигурой в сравнении со своим предшественником.

Весной 1911 г. параллельно со сравнительным затуханием студенческих протестов и конфликта Министерства народного просвещения и с правыми, и с либералами, приходит понимание, что Л.А. Кассо – твердый и верный своим решениям министр. Апрельская «Речь», комментируя оставление им многочисленных родительских просьб о восстановлении уволенных или высланных за беспорядки студентов без ответа (даже несмотря на заступничества других видных чиновников), подчеркивала бескомпромиссность и независимость министра: «... г. Кассо остается тверд и верен себе. Он свое дело сделал, теперь он может отдохнуть от напряженной работы. Поэтому он не только на просьбы студентов и их родителей не обращает внимания, ему даже ходатайства Министерства внутренних дел нипочем» [33]. На заседании Совета Петербургского университета 16 мая ректор доложил об успокоении ситуации со студенческими беспорядками и при этом о категорическом отказе министерства освободить ошибочно арестованных, о чем так долго ходатайствовал университет [34. С. 104]. В июле Л.А. Кассо оставил без последствий ходатайство совета Петербургского университета от 16 мая об отмене мер, предписанных в постановлении Совета министров от 4 января, и об ускорении пересмотра дел об уволенных из университета студентах [35].

Вероятно, стоит прислушаться к заключению И.И. Толстого, который в дневниковой записи от 16 июля, комментируя намерение Л.А. Кассо уволить почти всех слушательниц и часть профессоров Женского медицинского института, трактовал подобную жесткость со стороны министра стремлением укрепить свои позиции: «Очевидно, г-н Кассо укрепляет свою позицию и бьет наверняка на то, чтобы в случае чего быть назначенным не сенатором, а членом Гос[ударственного] сов[ета]: какой бы скандал осенью ни вышел – его поступок будет оценен как молодецкий его величеством, а это все, что нужно» [4. С. 197].

Это были далеко не все конфликты, оканчивавшиеся плачевно для преподавателей. В частности, московского учителя гимназии, члена кадетской партии А.Д. Алферова перевели в провинциальную гимназию за то, что он подписал приветствие бывшему ректору Московского университета [36]. В итоге он остался в Москве, но не смог работать в государственных школах. Таким образом, прежняя тактика сопротивления давлению министерства, исходившая из представления о слабости Л.А. Кассо, больше не могла приносить плоды [24. С. 490].

Взрыв негодования со стороны ученого сообщества против политики Л.А. Кассо последовал в связи с проектом подготовки ученой молодежи за границей. Предполагалось отправлять их для подготовки к профессуре в Германию и Францию, где для них будут устроены специальные отделения. Впоследствии они должны занять свободные кафедры и оздоровить университетскую атмосферу. Данную идею Л.А. Кассо озвучивал еще в начале февраля, но тогда она осталась в тени дискуссий об университетской автономии [37].

Попытка облагодетельствовать науку и создать «новую породу» профессоров была настоящим вызовом. Это

было серьезное посягательство на статус ученого сообщества, претендовавшего не только на академическую свободу, но и на право на интеллектуальное превосходство, элитарность. Речь шла не только об указании на политическую неблагонадежность, которую либеральная профессура и не собиралась скрывать, но и о попытке дискредитировать и опозорить русскую науку. Впервые в конфликт вмешалась Академия наук, до этого ввиду отсутствия бунтующих студентов возвышавшаяся над схваткой. Меры для подготовки профессоров вызвали резко негативную реакцию ее членов. На основании письма попечителя Санкт-Петербургского учебного округа от 7 июня 1911 г. ректору столичного университета, в котором он, изложив суть реформы, просил осведомлять МНП «о лицах, которые бы заслуживали бы откомандирования для занятий» [38], академики по результатам экстраординарного заседания 20 мая подготовили обращение к министру. В нем они утверждали, что предложение Л.А. Кассо приведет к ухудшению существующего порядка приготовления преподавателей русских высших учебных заведений. В качестве причин пустования кафедр Академия указывала на недостаток отпуска средств на стипендии лицам, оставляемым при университетах или рекомендуемых к отправлению за границу для приготовления к профессорскому званию. Иностранец просто не способен работать с ними, так как не знает запаса их знаний, свойств того отечественного материала, который впоследствии должен сделаться главным предметом его научной разработки. Программа Л.А. Кассо приведет к «нивелировке индивидуальностей командиремых». По мнению академиков, «русская высшая школа имеет достаточно прав с самостоятельной независимостью относиться к иноземному учительству. О том свидетельствует все шире распространяющееся признание цивилизованным миром заслуг русской науки». В заключение они указали на то, что предложение Л.А. Кассо «открыто признает и слабость русского государства, будто бы лишеного того источника жизни, которым является самостоятельное развитие науки, оно всенародно заявит, что наше государство не в состоянии создать в нашем отечестве условия, необходимые для свободного и здорового ее роста; поколеблет веру в силу и значение русской науки, без которой не может быть и могучего русского государства» [39].

Вторила академикам либеральная пресса: «Положение дел в нашем университетском вопросе все больше и больше осложняется... На этот раз политика г. Кассо вывела из равнодушия даже такое высокое учреждение, как Императорскую Академию наук... Академия наук признала нужным вступить за честь и достоинство русской науки, русских вузов и русских профессоров. И академия обратилась к министру народного просвещения с посланием... В нем академия ставит на вид министру народного просвещения, что проект подготовки ученой молодежи за границей, в сущности, объявляет русскую школу “несостоятельной”» [40]. Л.А. Кассо и его заместитель В.Т. Шевяков в своих интервью, данных немецким и французским изданиям (что лишь усугубило критику), не скрывали

цели проекта – изжить политику из университетских стен. Для противников министра в либеральном лагере это было недопустимо: «О тех мотивах, которые заставляли министра народного просвещения принимать свои экстраординарные меры, русское общество имело весьма неопределенные представления... министр народного просвещения считал необходимы в беседе с сотрудником «Neues Wiener Tageblatt» выяснить взгляды министерства на настоящее положение вещей и объяснить те меры, которые... произвели впечатление какого-то безотчетного сумбура и стихийной стремительности, так мало имеющей общего с наукой... обращаясь к общим задачам своей политики, министр народного просвещения определил их... “Моя сокровенная цель – простая... искоренить политические ростки в университетах”» [41]. Впрочем, это не помешало Л.А. Кассо провести законопроект через Совет министров, и 19 января 1912 г. он был утвержден Николаем II [19. С. 215].

В непопулярных решениях министра иногда по-прежнему прослеживалась «рука Столыпина». Во всяком случае ее видел «Вестник Европы»: «...в глазах г. Столыпина пример г. Кассо показал, что индифферентизм к политике не препятствует профессору на посту министра отдаться со всем пылом “истинно-русской” искоренительной борьбе с крамолой...» [32. С. 434]. В идее Л.А. Кассо увидели желание превратить свободно мыслящего преподавателя в «человека в футляре» – жертву реформы Д.А. Толстого. Ему припомнили не только его национальность, но и обучение в Германии и даже аполитичность в период преподавания в русских университетах: «Г. Кассо – инородец по происхождению и, насколько известно, получил университетское образование за границей. Революционные годы застали его на профессорской кафедре в Харьковском университете. Его товарищи по профессуре были поражены тогда, что не только в их среде, но вообще в большом городе мог оказаться образованный человек, с абсолютным индифферентизмом отнесшийся к охватившему всех, от мала до велика, движению. Г. Кассо не примкнул ни к правым, ни к левым. Он просто не интересовался политикой. По его идеалу, очевидно, профессор должен быть таким, чуждым жизни человеком. Инородцем сделать русского нельзя. Но попытаться вытравить из него способность болеть душой за русскую действительность – можно. И г. Кассо решил такую попытку сделать» [42. С. 433–434].

Не менее острую критику вызывало впоследствии реализованное намерение удалять из столичных университетов негодных профессоров и приглашать занимать кафедры их более лояльных коллег из провинции [43]. Д.Д. Grimm вспоминал, что «провинциальные университеты при такой системе переводов превращались в своего рода дисциплинарные батальоны по отношению к столичным университетам»: «Воистину, нужен был совершенно исключительный цинизм и чисто большевистское презрение к науке и к русским университетам, чтобы додуматься до такой меры, и чтобы решиться провести ее в жизнь» [20. С. 97]. Летом 1911 г. профессор М.Я. Пергамент, деятель ка-

детской партии, был переведен из Петербургского университета в Юрьевский. Переезжать он, как, вероятно, и ожидало правительство, отказался и предпочел уволиться со службы. В дальнейшем последовали новые переводы. Таким образом, министр успешно покушался на практику замещения кафедр на конкурсной основе. Недоумение профессуры по этому поводу выразил Д.Д. Гримм: «Если профессор не годился в качестве университетского преподавателя в одном университете, то почему он мог годиться в качестве такового в другом?» [44. С. 179]. Мера демонстрировала и отсутствие единства среди профессорского сообщества – для многих принятие предложения о переводе в Москву или Петербург без избрания университетом было невымыслимым. В частности, это дали понять Ф.В. Тарановский и В.М. Гордон. Другие с готовностью предложения принимали, несмотря на угрозу обструкции со стороны коллег и студенчества [24. С. 503], прельстившись карьерными и финансовыми перспективами (гонорар в столичных вузах был в 2–3 раза выше) [45. С. 639]. Показательно, что не все приглашенные профессора разделяли правые политические взгляды, что показывает непринципиальность этого для Л.А. Кассо, куда больше ценившего личную преданность.

Последовательные, жесткие и непопулярные среди либеральной части общества меры Л.А. Кассо привели к началу роста его политической значимости. Он уже не воспринимался как безвольный ставленник П.А. Столыпина. Это позволило ему заручиться симпатиями правых. При этом его проекты, демонстрировавшие презрение к заслугам и статусу отечественной ученой корпорации и ее корпоративной культуре и ценностям, привели к созданию весьма своеобразного образа министра – молдаванина, получившего образование в Германии и чужого для отечественной науки человека, но при этом стереотипного правого русского националиста.

5 сентября 1911 г. после покушения скончался П.А. Столыпин. Злобный слух приводит в своих мемуарах, видимо, доверявший ему И.И. Толстой: «Кстати, про Кассо: я на днях слышал, будто во время убийства Столыпина он так струсил, что удрал и спрятался в театральной уборной, где его нашли после долгих поисков: теперь он окружен кучей сыщиков, охраняющих его, и просит уволить его в отставку, которой ему не дают...» [4. С. 216]. После того как место П.А. Столыпина занял В.Н. Коковцов, отставка Л.А. Кассо многим представлялась неизбежной, тем более что новый председатель симпатизировал противникам министра народного просвещения [44. С. 179]. Как сообщали «Биржевые ведомости», «слухи об отставке министра народного просвещения г. Кассо... значительно усилились после назначения председателем Совета министров В.Н. Коковцова... В конце концов, даже сам... г. Кассо... начинает систематически отступать... Пришлось приостановиться и с выполнением плана перетасовки профессоров. После перевода г. Пергамента в Юрьев, ответом на что последовала отставка профессора, г. Кассо остановился и не дал движения тому документу, в котором были начертаны переводы в другие университеты обоих Гриммов и других профессоров...» [46].

На место Л.А. Кассо прочили С.Ф. Платонова [4. С. 162], хотя кандидатура петербургского историка всплывала каждый раз после появления слухов об уходе непопулярного министра народного просвещения. Активное обсуждение возможных кандидатур именно на пост министра народного просвещения говорит о существенном повышении роли Л.А. Кассо, которого все больше понимали главным врагом науки в России. Его так и не отправили в отставку, хотя слухи об этом продолжали возбуждать профессуру вплоть до его смерти 26 ноября 1914 г. В связи с попытками проследить рост значимости и влияния Л.А. Кассо показательным является слух, распространившийся летом 1913 г. Он сообщал не об отставке, а о том, что Кассо может быть назначен председателем Совета министров: «Но в таком случае нынешнего премьера должен сменить премьер из числа тех министров, деятельность которых вызывает восторг справа, – Л.А. Кассо, например» [47]. Начавшая мировая война не улучшила отношений министра с обществом, а его болезнь и смерть вызвали нескрываемую радость в либеральной печати [48–55]. Верховная власть в рамках доктрины внутреннего мира назначает на должность министра не верного соратника Л.А. Кассо и бывшего товарища министра барона М.А. Таубе (как надеялись правые), а близкого к либеральным кругам графа П.Н. Игнатьева, которого считали «антиподом своих предшественников» (А.Н. Шварца и Л.А. Кассо) [56].

Формирование мифа о Л.А. Кассо произошло в первый год его министерства. В условиях постоянных студенческих беспорядков, наличия свободолобивой профессуры, злоязычной прессы и постоянных интриг при дворе будущее неискушенного и неопытного министра не представлялось многообещающим. Некоторые слабые надежды ряда политических сил, связанные с назначением, быстро сменились разочарованием. Все основные партии находили повод для критики министра. Для кадетов это была консервативность, для правых – слабость в противостоянии со студенчеством и профессурой. Интересно, что негативный образ Кассо как министра, ответственного за «кризис высшей школы», стал формироваться именно в правой печати. При этом он никем не воспринимался в качестве независимой фигуры, а представлялся креатурой П.А. Столыпина, транслировавшей его волю. В период кризиса начала 1911 г. Л.А. Кассо продемонстрировал готовность действовать последовательно и жестко ради восстановления «порядка» в стенах университетов. Тем не менее в глазах публики за ним по-прежнему стояла мощная фигура П.А. Столыпина. Дальнейшая стратегия конфронтации с либеральной профессурой обострила ненависть к министру, но одновременно сделала его по-настоящему важным политическим игроком. Ряды его недругов пополнились после озвучивания идеи подготовки за границей студентов для занятия кафедр, что явилось сильным ударом по амбициям и достоинству ведущих представителей ученого сообщества страны. Из «икса» [4. С. 108], к талантам, уму и воле которого относились критически, но в целом не опасались, Л.А. Кассо превратился в демоническую фигуру, символ несчастий и кризиса российской науки

и образования в глазах своих оппонентов. Закреплению этого образа способствовало убийство П.А. Столыпина и, несмотря на шаткость позиции Л.А. Кассо, сохранение им портфеля министра при В.Н. Коковцове. При этом он сам сделал решающий вклад в формирование этого образа, вступив в непримиримый

конфликт с корпоративной культурой российских университетов. Все эти обстоятельства, несомненно, способствовали тому, что в общественном сознании (и историографии) XX в. Кассо стал одним из символов реакционного самодержавного режима эпохи заката Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баринев Д.А. Кризис высшей школы 1911 г. в фокусе историографии // Клио. 2017. № 10. С. 106–117.
2. Шварц А.Н. Моя переписка с Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М. : Греко-латин. каб. Ю.А. Шичалина, 1994. 361 с.
3. Гайда Ф.А. Власть и общественность в России в период кризиса третьейуноньской системы: диалог о пути политического развития (1910–1917 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. 757 с.
4. Толстой И.И. Дневник : в 2 т. СПб. : Лики России, 2010. Т. II: 1910–1916. 944 с.
5. Платонова Н.Н. Дневник. 20 дек[абря] / 2 янв[аря] // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5701. Платонова Н.Н. Дневник. Август 1919 г. – март 1920 г.
6. Столыпин П.А. Письмо бар. А.Ф. Мейендорфу, 25 июля 1910 г. // Столыпин П.А. Переписка. М. : РОССПЭН, 2004. С. 620.
7. Столыпин П.А. Письмо Николаю II. 22 декабря 1907 г. // Столыпин П.А. Переписка. М. : РОССПЭН, 2004. С. 42.
8. Столыпин П.А. Письмо Николаю II. 26 сентября 1910 г. // Столыпин П.А. Переписка. М. : РОССПЭН, 2004. С. 61–63.
9. Из общественной хроники // Вестник Европы. Год 45. 1910. Кн. 11, нояб. С. 439–451.
10. С.Я. Судьба университетского устава // Речь. 1910. 1 окт., № 269. С. 2.
11. Ioan Pelivan: istoric al miscării de eliberare națională din Basarabia / eds. I. Constantin, I. Negrei, G. Negru. Bucuresti : Biblioteca Bucurestilor, 2012. 646 s.
12. Продолжение первого обсуждения внесенного Министерством Народного Просвещения законопроекта о начальных училищах : (доклад комиссии по народному образованию) // Государственная дума. Третий созыв. Сессия IV. Часть I. Заседание пятое. Суббота, 23 октября 1910 г. Стлб. 303–398.
13. Казанский П.Е. Совещание профессоров в декабре 1910 г. : (доклад в Академическом клубе, в Одессе). Одесса : Тип. «Рус. речи», 1911. 53 с.
14. Из кулуаров Государственной думы: Информационные листки «Осведомительного бюро» за 1911 г. / подг. текста, автор вступ. ст. и примеч. И.В. Лукоянов // Нестор. № 7. Технология власти. СПб. : Нестор–История, 2005. С. 69–140.
15. О надзоре за учащимися высших учебных заведений // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. № 3–4: Правительственные распоряжения. С. 38–40.
16. О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в стенах высших учебных заведений // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. № 3–4: Правительственные распоряжения. С. 41–43.
17. Воробьева Ю.С. Общественность и высшая школа в России в начале XX века. М., 1994. 175 с.
18. Маркин В.Л. «Университетский протест» 1911 г. и реакция российского общества // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2009. № 5. С. 10–19.
19. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. 393 с.
20. Гримм Д.Д. Из жизни Государственного совета 1907–1917 гг. / подг. текста и коммент. А.В. Воронежцева, М.В. Ковалева, В.С. Мирзеханова, Т.К. Шор. СПб. : Нестор–История, 2017. 272 с.
21. Изгоев А.С. Небывалый разгром // Кризис высшей школы. М. : Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1911. С. 3–16.
22. Р. Состязание сил // Кризис высшей школы. М. : Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1911. С. 16–23.
23. [С.-Петербург, 2 февраля 1911 г.] // Русское знамя. 1911. 2 фев., № 26. С. 1.
24. Ростовцев Е.А. 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Петербургский университет) // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб. : Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2012. С. 473–507. (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. III).
25. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. Год 46. 1911. Кн. 1, янв. С. 419–434.
26. Протоколы заседаний Совета Императорского Университета Св. Владимира 21 января, 18 февраля и 1 марта 1911 г. // Университетские известия. 1911. № 7. С. 1–27.
27. [С.-Петербург, 3 февраля] // Речь. 1911. 3 (16) фев., № 33. С. 1.
28. Арсеньев К. Положение дел в высшей школе // Вестник Европы. Год 46. 1911. Кн. 3, март. С. 334–348.
29. Кассо Л.А. [Выступление в прениях. Заседание 64. 8 февраля 1912 г.] // Государственная дума. Третий Созыв. Стенографические отчеты. Сессия V. СПб., 1912. Стлб. 1849–1874.
30. Беседа с министром народного просвещения // Новое время. 1911. 2 (15) фев., № 12534. С. 5–6.
31. Министерский кризис (по телефону из СПб. от наш. корресп.) // Голос Москвы. 1911. 11 марта, № 57. С. 3.
32. Вопросы общественной жизни // Вестник Европы. Год 46. 1911. Кн. 4, апр. С. 421–438.
33. [С.-Петербург, 8 апреля] // Речь. 1911. 8 апр. С. 1.
34. Протокол заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета 16 мая 1911 года // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 год. СПб. : Типография Б.М. Вольфа, 1913. № 67. С. 97–158.
35. Хроника / Учебные дела // Биржевые ведомости. 1911. 19 июля, № 12431. С. 2.
36. Дело двух московских педагогов // Вестник воспитания. 1911. № 8. С. 77–87.
37. Беседа с министром народного просвещения // Речь. 1911. 3 (16) фев., № 33. С. 4.
38. Письмо Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа от 7 июня 1911 г. № 13108 ректору Императорского С.-Петербургского университета (копия) : приложение к протоколу заседания экстраординарного Общего Собрания 20 мая 1911 года // Протоколы заседаний общего собрания Императорской Академии наук. № 6. Экстраординарное. Заседание 20 мая 1911 г. § 152. [СПб., 1911].
39. Приложение к протоколу заседания экстраординарного Общего Собрания 20 мая 1911 года // Протоколы заседаний общего собрания Императорской Академии наук. № 6. Экстраординарное. Заседание 20 мая 1911 г. § 152. [СПб., 1911].
40. В защиту науки (С.-Петербург, 31-го июля) // Биржевые ведомости. 1911. 31 июля, № 12453. С. 1.
41. Объяснения г. министра (С.-Петербург, 2-го августа) // Биржевые ведомости. 1911. 8 авг., № 12455. С. 1.
42. Вопросы общественной жизни // Вестник Европы. Год 46. 1911. Кн. 6 июнь. С. 425–438.
43. Перемены в составе профессоров // Свет. 1911. 22 авг., № 220. С. 3.
44. Ковалев М. Профессор Д.Д. Гримм и борьба за академические свободы в России в начале XX в. // Российская история. 2016. № 5. С. 174–183.
45. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.
46. Политика г. Кассо. (С.-Петербург, 15-го сентября) // Биржевые ведомости. 1911. 15 сент., № 12531. С. 1.
47. Куда? // Русская молва. 1913. 1 июня, № 168. С. 2.

48. ☞ Л.А. Кассо // Раннее утро. 1914. 27 нояб., № 273 (8477). С. 4.
 49. Москва, 27 ноября // Русские Ведомости. 1914. 27 нояб.
 50. Кончина Л.А. Кассо // Московский листок. 1914. 27 нояб.
 51. Смерть Л.А. Кассо // Современное слово. 1914. 27 нояб.
 52. ☞ Л.А. Кассо // Зауральский край. 1914. 28 нояб., № 226. С. 2.
 53. Отзывы печати к кончине Л.А. Кассо // Саратовский листок. 1914. 29 нояб.
 54. Левая печать о Л.А. Кассо // Земщина. 1914. 28 нояб., № 1854. С. 3.
 55. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 596. Оп. 1. Д. 77.
 56. Платонова Н.Н. Дневник. 19 июня [1915 г.] // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5694. Л. 79 об.

Rostovtsev Evgeny A. Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia). E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

Sidorchuk Ilya V. Humanitarian Institute of Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University (Saint-Petersburg, Russia). E-mail: chubber@yandex.ru

The MYTH OF L. A. KASSO

Keywords: Lev Kasso; the history of higher education; history of universities; case of Kasso; Pyotr Stolypin; University question.

The purpose of the research is to examine the history of the formation in the public consciousness of the myth about Lev Aristidovich Kasso, who held the post of Minister of public education of the Russian Empire from September 1910 until his death in December 1914. In Soviet, Post-Soviet and Western historiography he was considered as a key figure, a symbol of conservative and repressive policy of autocracy in the field of higher education and science in general.

The research is based on a wide range of historical sources, including political journalism, media, normative acts and official documents. Important for achieving the goals of the study were the memoirs and correspondence of representatives of the scientific community, in particular, the former Minister of public education Ivan Tolstoy, such professors, politicians and publicists as David Grimm, Alexander Izgoev, Konstantin Arsenyev, etc. This allowed authors to identify the stages of the formation of the myth about Lev Kasso in the period from autumn 1910 to the end of 1911.

During the first months as a Minister, he was incognito to all political forces, including tsar Nicholas II. His first actions were criticized by the right politicians rather than the left. For a long time, Lev Kasso was considered as a “shadow”, puppet in the hands of the Chairman of the Council of Ministers Pyotr Stolypin, that is why they did not see him as an independent and strong politician. The situation gradually had been changing during 1911. Hard and consistent repression against the revolutionary students, professors of Moscow and St. Petersburg universities demonized figure of Lev Kasso in the eyes of the liberal community.

Particular outrage was caused by the Lev Kasso’s project of training the professorial staff in foreign scientific centre, the dismissal of the opposition professors and the transfer ideologically closed to him professors from predominantly right-wing provincial universities in Saint Petersburg and Moscow. By that time Lev Kasso had been considered a symbol of the persecutions of tsarist power against traditional corporative subculture of Russian science and scientists. At the same time he became more popular among the right politicians. Significant role in growth of his political weight played the murder of Pyotr Stolypin in September 1911. Despite many rumors, Lev Kasso was not dismissed, but was perceived by some as a potential candidate for the vacant Post of Chairman of the Council of Ministers.

REFERENCES

- Barinov, D.A. (2017) Krizis vysshey shkoly 1911 g. v fokuse istoriografii [Historiography on the crisis of higher school in 1911]. *Klio*. 10. pp. 106–117.
- Shvarts, A.N. (1994) *Moya perepiska s Stolypinym. Moi vospominaniya o Gosudare* [My correspondence with Stolypin. My memories of the Tsar]. Moscow: Greko-latin. kab. Yu.A. Shichalina.
- Gayda, F.A. (2016) *Vlast' i obshchestvennost' v Rossii v period krizisa tret'eiyun'skoy sistemy: dialog o puti politicheskogo razvitiya (1910–1917 gg.)* [The Power and the public in Russia during the crisis of the Stolypin’s system: The dialogue about political development (1910–1917)]. History Dr. Diss. Moscow: [s.n.].
- Tolstoy, I.I. (2010) *Dnevnik. V 2 tomakh* [A Diary. In 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Liki Rossii.
- Platonova, N.N. (n.d.) *Dnevnik. Avgst 1919 g. – mart 1920 g.* [Diary. August 1919 – March 1920]. Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 585. List 1. D. 5701.
- Stolypin, P.A. (2004a) *Perepiska* [Correspondence]. Moscow: ROSSPEN. p. 620.
- Stolypin, P.A. (2004b) *Perepiska* [Correspondence]. Moscow: ROSSPEN. p. 42.
- Stolypin, P.A. (2004c) *Perepiska* [Correspondence]. Moscow: ROSSPEN. pp. 61–63.
- Anon. (1910) Iz obshchestvennoy khroniki [From the public chronicle]. *Vestnik Evropy*. 45(11). pp. 439–451.
- S.Ya. (1910) Sud'ba universitetskogo ustava [The Fate of the University Charter]. *Rech'*. 1st October. p. 2.
- Constantin, I., Negrei, I. & Negru, G. (eds) (2012) *Ioan Pelivan: istoric al miscării de eliberare națională din Basarabia* [John Pelivan: History of the National Liberation Movement in Bessarabia]. Bucharest: Biblioteca Bucureștilor.
- The State Duma. (1910) *Prodolzhenie pervogo obsuzhdeniya vnesennogo Ministrom Narodnogo Prosveshcheniya zakonoproektakh o nachal'nykh uchilishchakh (doklad komissii po narodnomu obrazovaniyu)* [The Continued first discussion of the draft laws on primary schools introduced by the Minister of Public Education (report of the Commission on Public Education)]. The State Duma. Third convocation. Session IV. Part I. October 23, 1910. Cols. 303–398.
- Kazanskiy, P.E. (1911) *Soveshchanie professorov v dekabre 1910 g. (Doklad v Akademicheskome klube, v Odesse)* [Meeting of professors in December, 1910 (Report in the Academic club, in Odessa)]. Odessa: Russkaya rech'.
- Lukoyanov, I.V. (ed.) (2005) Iz kuluarov Gosudarstvennoy dumy: Informatsionnye listki “Osvedomitel'nogo byuro” za 1911 g. [From the sidelines of the State Duma: Information sheets “Information Bureau” for 1911]. *Nestor*. 7. pp. 69–140.
- Anon. (1911) O nadzore za uchashchimisya vysshikh uchebnykh zavedeniy [About supervision for students]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 3–4. pp. 38–40.
- Anon. (1911) O vremennom nedopushchenii publichnykh i chastnykh studencheskikh sobraniy v stenakh vysshikh uchebnykh zavedeniy [About temporary prohibition of public and private students meetings in higher schools]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 3–4. pp. 41–43.
- Vorobyeva, Yu.S. (1994) *Obshchestvennost' i vysshaya shkola v Rossii v nachale XX veka* [The public and higher school in Russia in the early 20th century]. Moscow: [s.n.].
- Markin, V.L. (2009) “Universitetskiy protest” 1911 g. i reaktsiya rossiyskogo obshchestva [“University protest” in 1911 and the reaction of the Russian society]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya*. 5. pp. 10–19.
- Ivanov, A.E. (1991) *Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [Higher school in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. Moscow: [s.n.].

20. Grimm, D.D. (2017) *Iz zhizni Gosudarstvennogo soveta 1907–1917 gg.* [From the life of the State Council of 1907–1917]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
21. Izgoev, A.S. (1911) Nebyvaly razгром [Unprecedented defeat]. In: *Krizis vysshey shkoly* [The Crisis of Higher School]. Moscow: T-vo I.N. Kushnerev i Ko. pp. 3–16.
22. R. (1911) Sostyazanie sil [The contest of forces]. In: *Krizis vysshey shkoly* [The Crisis of Higher School]. Moscow: T-vo I.N. Kushnerev i Ko. pp. 16–23.
23. Anon. (1911) [S.-Peterburg, 2 fevralya 1911 g.] [St. Petersburg, February 2, 1911]. *Russkoe znaniya*. 2th February. p. 1.
24. Rostovtsev, E.A. (2012) 1911 god v zhizni universitetskoy korporatsii (vlast' i Peterburgskiy universitet) [1911 year in the life of the University Corporation (the power and St. Petersburg University)]. In: Dvornichenko, A.Yu. (ed.) *Kafedra istorii Rossii i sovremennaya otechestvennaya istoricheskaya nauka* [Department of Russian History and modern Russian history studies]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 473–507.
25. Anon. (1911) Voprosy vnutrenney zhizni [Problems of internal life]. *Vestnik Evropy*. 46(1). pp. 419–434.
26. Anon. (1911) Protokoly zasedaniy Soveta Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira 21 yanvarya, 18 fevralya i 1 marta 1911 g. [Minutes of meetings of the Council of St. Vladimir Imperial University of January 21, February 18 and March 1, 1911]. *Universitetskie izvestiya*. 7. pp. 1–27.
27. Anon. (1911) [S.-Peterburg, 3 fevralya] [St. Petersburg, February 3]. *Rech'*. 3rd February. p. 1.
28. Arsenyev, K. (1911) Polozhenie del v vysshey shkole [Situation in higher school]. *Vestnik Evropy*. 46(3). pp. 334–348.
29. Kasso, L.A. (1912) *Vystuplenie v preniyakh. Zasedanie 64. 8 fevralya 1912 g.* [Speech on the debate. Session 64. February 8, 1912]. The State Duma. Third convocation. Verbatim record. Session V. Cols. 1849–1874.
30. Anon. (1911) Beseda s ministrom narodnogo prosveshcheniya [Conversation with the Minister of Education]. *Novoe vremya*. 2nd February. pp. 5–6.
31. Anon. (1911) Ministerskiy krizis (Po telefonu iz St. Petersburg: ot nash. korresp.) [Ministerial crisis (By phone from St. Petersburg from our correspondents)]. *Golos Moskvy*. 11th March. p. 3.
32. Anon. (1911) Voprosy obshchestvennoy zhizni [Problems of public life]. *Vestnik Evropy*. 46(4). pp. 421–438.
33. Anon. (1911) [S.-Peterburg, 8 aprelya] [St. Petersburg, April 8]. *Rech'*. 8th April. p. 1.
34. The Council of the Imperial St. Petersburg University. (1913) *Protokoly zasedaniy Soveta Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za 1911 god. № 67* [Minutes of the meetings of the Council of the Imperial St. Petersburg University for 1911. No. 67]. St. Petersburg: B.M. Wolf. pp. 97–158.
35. Anon. (1911) Khronika/Uchebnye dela [Chronicle / Educational Affairs]. *Birzhevye vedomosti*. 19th July. p. 2.
36. Anon. (1911) Delo dvukh moskovskikh pedagogov [The case of two Moscow educators]. *Vestnik vospitaniya*. 8. pp. 77–87.
37. Anon. (1911) Beseda s ministrom narodnogo prosveshcheniya [Conversation with the Minister of Education]. *Rech'*. 3rd February. p. 4.
38. Imperial Academy of Sciences. (1911a) Pis'mo Popechitelya Sankt-Peterburgskogo uchebnogo okruga ot 7 iyunya 1911 g. № 13108 rektoru Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta (kopiya). Prilozhenie k protokolu zasedaniya ekstraordinarnogo Obshchego Sobraniya 20 maya 1911 goda [Letter of June 7, 1911, from the Trustee of the St. Petersburg educational district № 13108 to the rector of the Imperial St. Petersburg University (copy). Annex to the minutes of the meeting of the extraordinary General Meeting on 20 May 1911]. In: *Protokoly zasedaniy obshchego sobraniya Imperatorskoy Akademii nauk. № 6. Ekstraordinarnoe. Zasedanie 20 maya 1911 g. § 152* [The minutes of the meetings of the General meeting of the Imperial Academy of Sciences. No. 6. Extraordinary. Meeting may 20, 1911 § 152]. St. Petersburg: [s.n.].
39. Imperial Academy of Sciences. (1911b) Prilozhenie k protokolu zasedaniya ekstraordinarnogo Obshchego Sobraniya 20 maya 1911 goda [Annex to the minutes of the meeting of the extraordinary General Meeting on May 20, 1911]. In: *Protokoly zasedaniy obshchego sobraniya Imperatorskoy Akademii nauk. № 6. Ekstraordinarnoe. Zasedanie 20 maya 1911 g. § 152* [The minutes of the meetings of the General meeting of the Imperial Academy of Sciences. No. 6. Extraordinary. Meeting may 20, 1911 § 152]. St. Petersburg: [s.n.].
40. Anon. (1911) V zashchitu nauki (S.-Peterburg, 31-go iyulya) [In defense of science (St. Petersburg, July 31)]. *Birzhevye vedomosti*. 31st July. p. 1.
41. Anon. (1911) Ob'yasneniya g. ministra (S.-Peterburg, 2-go avgusta) [Promises of Mr. Minister (S.-Peterburg, 2 August)]. *Birzhevye vedomosti*. 8th August. p. 1.
42. Anon. (1911) Voprosy obshchestvennoy zhizni [Problems of public life]. *Vestnik Evropy*. 46(6). pp. 425–438.
43. Anon. (1911) Peremeny v sostave professorov [Changes among professors]. *Svet*. 22nd August. p. 3.
44. Kovalev, M. (2016) Professor D.D. Grimm i bor'ba za akademicheskie svobody v Rossii v nachale XX v. [Professor D.D. Grimm and the struggle for academic freedom in Russia in the early 20th century]. *Rossiyskaya istoriya*. 5. pp. 174–183.
45. Rostovtsev, E.A. (2017) *Stolichnyy universitet Rossiyskoy imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Capital University of the Russian Empire: academic class, society and power (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
46. Anon. (1911) Politika g. Kasso. (S.-Peterburg, 15-go sentyabrya) [Kasso's policy (S. Petersburg, 15th September)]. *Birzhevye vedomosti*. 15th September. p. 1.
47. Anon. (1913) Kuda? [Where?]. *Russkaya molva*. 1st June. p. 2.
48. Anon. (1914) L.A. Kasso [L.A. Kasso]. *Rannee utro*. 27th November. p. 4.
49. Anon. (1914) Moskva, 27 noyabrya [Moscow, November 27]. *Russkie Vedomosti*. 27th November.
50. Anon. (1914) Konchina L.A. Kasso [Demise of L.A. Kasso]. *Moskovskiy listok*. 27th November.
51. Anon. (1914) Smert' L.A. Kasso [Death of L.A. Kasso]. *Sovremennoe slovo*. 27th November.
52. Anon. (1914) L.A. Kasso [L.A. Kasso]. *Zaural'skiy kray*. 28th November. p. 2.
53. Anon. (1914) Otzyvy pechati k konchine L.A. Kasso [Press about L.A. Kasso's demise]. *Saratovskiy listok*. 29th November.
54. Anon. (1914) Levaya pechat' o L.A. Kasso [Left press about L.A. Kasso]. *Zemshchina*. 28th November. p. 3.
55. The State Archive of the Russian Federation. Fund 596. List 1. File 77.
56. Platonova, N.N. (1915) *Dnevnik. 19 iyunya [1915 g.]* [Diary. June 19, 1915]. Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 585. List 1. File 5694.